

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

Ю. И. Детинко
Л. В. Куликова

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ:
ОПЫТ МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО
И КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА

Людмила Куликова

**Политическая коммуникация:
опыт мультимодального и
критического дискурс-анализа**

«Сибирский федеральный университет»

2017

УДК 81.271:32
ББК 81.411.2-5+66.0

Куликова Л. В.

Политическая коммуникация: опыт мультимодального и критического дискурс-анализа / Л. В. Куликова — «Сибирский федеральный университет», 2017

ISBN 978-5-7638-3468-0

Рассмотрены вопросы, связанные с выявлением лингвосемиотических и лингвопрагматических средств дискурсивного конструирования чужеродности в современной британской политической коммуникации с учетом монокультурной и межкультурной перспектив взаимодействия с «чужим». Основное внимание уделено исследованию ключевых стратегий и реализующих их дискурсивно-семиотических техник, маркирующих политическую чужеродность разноуровневыми средствами языка и дискурса. Адресована студентам лингвистических направлений (уровень магистратуры), аспирантам филологических и других гуманитарных специальностей, а также всем интересующимся проблемами политической коммуникации, теории дискурса в целом.

УДК 81.271:32
ББК 81.411.2-5+66.0

ISBN 978-5-7638-3468-0

© Куликова Л. В., 2017
© Сибирский федеральный
университет, 2017

Содержание

Введение	5
Глава 1	7
1.1. Чужеродность в контексте гуманитарного знания	7
1.2. Политический дискурс как пространство экспликации чужеродности	13
1.2.1. Дискурс как основа современного лингвистического инструментария	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Ю. И. Детинко, Л. В. Куликова

Политическая коммуникация: опыт мультимодального и критического дискурс-анализа

Введение

Исследование дискурсивно-семиотического пространства политической коммуникации России и Запада представляется в контексте современности одним из самых актуальных востребованных направлений как в рамках теории дискурса в целом, так и в аспектах прикладного назначения полученных результатов, поскольку для эффективного межкультурного взаимодействия между странами необходимо учитывать дискурсивные техники, вовлеченные в формирование стратегических государственных взглядов и отношений. Изучение соответствующей сферы Великобритании позволяет выстроить лингвокоммуникативную модель анализа западного общественно-политического взаимодействия, обеспечивая базу для сравнительного анализа разных политических систем. «Чужой» в дискурсе политиков является одним из основных концептов, поэтому конструированию образа «чужих» отводится особое место в политической и дискурсивной лингвистике. Интерес современного языкознания к выявлению особенностей дискурсивного отражения реальности и, в частности, описанию модели конструирования чужеродности в политическом общении очень высок, что и определяет актуальность монографии.

Работа выполнена в русле коммуникативно-прагматического подхода с привлечением методик мультимодального и критического дискурс-анализа. Исследование посвящено изучению лингвосемиотических и лингвопрагматических средств дискурсивного конструирования чужеродности в современной британской политической коммуникации с учетом двух перспектив взаимодействия с «чужим»: монокультурной («чужой» находится в той же лингвокультуре, что и отправитель дискурса) и межкультурной («чужой» является представителем иной лингвокультуры).

Материалом послужили речи британских политиков; статьи в ведущих политических и социально-экономических газетах Великобритании (New Statesman, The Guardian, The Independent), представленные в печатном виде, а также взятые с интернет-сайтов; телевизионные и радиовыступления политических деятелей, видеозаписи и стенограммы предвыборных теледебатов, интервью с политиками; стенограммы заседаний Парламента Великобритании и официальные отчеты о заседаниях (*Hansard*). Временные рамки собранного и проанализированного эмпирического корпуса ограничены 2007–2013 годами.

В качестве единицы исследования выступил дискурсивный/текстовый фрагмент (изображение) полемикаческого характера, в котором эксплицитно или имплицитно актуализированы лингвистические, коммуникативно-прагматические или визуальные проявления чужеродности. Всего проанализировано более 2000 текстовых фрагментов и около 200 изображений, реализующих около 5000 случаев выражения чужеродности в политическом дискурсе британской лингвокультуры.

Общетеоретическую и методологическую базу работы составили труды отечественных и зарубежных ученых в области лингвистики текста и теории дискурса (Т. Н. Астафурова, М. Б. Бергельсон, В. И. Карасик, В. Б. Кашкин, М. Л. Макаров, Г. Н. Манаенко, М. Ю. Олешков, А. В. Олянич, С. Н. Плотникова, Т. А. van Dijk, N. Fairclough, M. A. K. Halliday, G. Kress, T.

van Leeuwen); политической коммуникации (Э. В. Будаев, Л. В. Куликова, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал, Т. В. Юдина, P. Chilton, M. Reisigl, C. Schäffner, R. Wodak); работы по критическому дискурс-анализу (В. И. Карасик, М. В. Йоргенсен, М. Л. Макаров, Г. Г. Почепцов, А. А. Филинский, Л. Дж. Филлипс, J. Blommaert, T. A. van Dijk, N. Fairclough, G. Weiss), мультимодальному анализу и исследованию визуальных образов (Е. Е. Анисимова, М. Б. Ворошилова, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, R. Hodge, G. Kress, T. van Leeuwen, D. Machin, K. L. O'Halloran), междисциплинарному изучению чужеродности и оппозиции «свой-чужой» (А. К. Байбурин, Э. Бенвенист, Х. Вайнрих, Б. Вальденфельс, Л. И. Гришаева, П. Н. Донец, В. И. Жельвис, В. И. Карасик, В. В. Красных, Л. В. Куликова, О. А. Леонтович, Ю. М. Лотман, А. В. Олянич, Ю. С. Степанов, Н. В. Уфимцева, Е. И. Шейгал, А. В. Шипилов, А. Шюц, А. К. Якимович, T. A. van Dijk, W. B. Gudykunst, M. Krzyzanowski, S. H. Riggins, L. P. Sego, R. Wodak).

В исследовании впервые на материале английского языка осуществлен комплексный лингвосомиотический и лингвопрагматический анализ средств, манифестирующих отношения чужеродности в дискурсивном взаимодействии политиков Великобритании.

Работа в целом дополняет положения общей теории языка, лингвистики дискурса описанием вербальных и невербальных средств дискурсивного конструирования чужеродности и его механизма; демонстрирует применение методов критического дискурс-анализа и мультимодального анализа к изучению феномена чужеродности в британской политической коммуникации; предлагает лингвокоммуникативную модель репрезентации чужеродности в современном политическом пространстве Великобритании.

Структурно монография состоит из трех глав, в первой из которых рассматривается проблема чужеродности как объекта лингвистического знания, систематизируются современные подходы к анализу политического дискурса с проекцией на экспликацию в нем чужеродности, обосновывается исследование монокультурной и межкультурной перспектив отношения к «чужим» и предлагается способ изучения репрезентации чужеродности через мультимодальные средства.

Вторая глава посвящена обоснованию процесса дискурсивного конструирования, целесобразности и продуктивности применения метода критического дискурс-анализа в интересах исследования, представлена лингвокоммуникативная модель дискурсивного конструирования чужеродности в монокультурной и межкультурной перспективах британской политической коммуникации.

В третьей главе описывается лингвокоммуникативная модель репрезентации чужеродности в двух перспективах политической коммуникации английской лингвокультуры; выделяются и анализируются языковые, дискурсивные и визуальные средства конструирования чужеродности.

Глава 1

Понятие чужеродности в общественно-политических и языковедческих науках

1.1. Чужеродность в контексте гуманитарного знания

Чужеродность представляет собой, прежде всего, социокультурный феномен, который является неотъемлемой частью дискурсивной идентичности личности. Идентичность формируется на когнитивном уровне на основе контраста с другими, так как «идентичность – процесс выделения себя из среды других, чуждых, многих, отчетливое разделение “своего” и “чужого”» [«Свое» и «чужое», 2003: 7]. Для идентификации себя в обществе человек генерирует два вида практик – дискурс различности и дискурс схожести, отвергая или принимая соответствующие характеристики [Уфимцева, 2011; Riggins, 1997]. В этом смысле чужеродным может восприниматься любая социальная, статусная или даже половозрастная группа: мужчины для женщин, богатые для бедных, молодые для стариков, работодатели для наемных рабочих и т. д. Чаще всего границы группы, с которой человек себя идентифицирует, четко очерчены. При этом различиям внутри группы придается минимальное значение, в то время как различия между отдельными группами всегда четко осознаются, преувеличиваются и выполняют непосредственно идентификационную функцию, являясь своего рода паролем для «своих» [Колосов, 2004].

С точки зрения психологии для возникновения идентичности необходимо, чтобы личность реагировала на саму себя [Шипилов, 2008: 40], при этом осознание различия возможно уже на чувственном уровне, в то время как осознание сходства требует более развитой способности обобщения и концептуализации [Выготский, 1982], цит. по: [Уфимцева, 2011: 234].

Согласно теории дискурса Э. Лакло и Ш. Муффа [Йоргенсен, Филлипс, 2008], идентичности принимаются, отвергаются и обсуждаются в дискурсивных процессах, поскольку понятие «идентичность» представляет собой социальную категорию и может относиться к дискурсивной, а следовательно, и к политической практике. Ф. П. Казула отмечает, что в рамках дискурса производится не только мировоззрение, но и в некотором смысле сами акторы – поскольку их идентичности не являются изначально заданными и формируются политически, то есть через дискурсивную борьбу за означивание [Казула, 2009: 60]. При этом идентичность понимается как результат процесса называния, приписывания кому-либо или чему-либо некой сущности в рамках дискурсивной формации [Там же: 60]. Некоторые положения при понимании идентичности у Э. Лакло и Ш. Муффа, изложенные в работах М. В. Йоргенсен, Л. Дж. Филлипс, Ф. П. Казулы, коррелируют с особенностями категории «чужеродность», что позволяет нам рассматривать отношения чужеродности через способ конструирования дискурсивной идентичности:

- [субъект] приобретает свою идентичность посредством репрезентации в дискурсе;
- идентичность – это идентификация человека с субъектной позицией в структуре дискурса;
- идентичность конституируется дискурсивно посредством цепочек эквивалентности, в которых знаки отсортированы и связаны в цепочки, противопоставленные другим цепочкам. Эти цепочки определяют то, чем субъект является и чем не является;
- идентичность всегда относительна: субъект является чем-то, потому что он противопоставлен чему-то [Йоргенсен, Филлипс, 2008: 84].

Проанализировав данные положения с точки зрения конструирования чужеродности, мы вывели важные для нашего исследования принципы, а именно:

- один субъект идентифицирует другого как «чужого» одновременно с самоидентификацией;
- один субъект определяет другого как «чужого» посредством репрезентации в дискурсе;
- образ «чужого» конструируется дискурсивно через сравнение себя с другими и всегда зависит от позиции говорящего/пишущего.

В связи с этим возникает необходимость в дискурсивном маркировании принадлежности к «чужому». Поскольку осмысление «чужого» обусловлено самоидентификацией человека, В. И. Карасик обращает внимание на возможность выделения разновидностей чужих (врагов) применительно к тем типовым субъектам, которые ощущают для себя угрозу со стороны определенных социальных групп [Карасик, 2011: 240]. Анализируя сферу политического общения, А. В. Олянич делает акцент на то, что всякое объединение политиков, любая группа или партия, военная группировка или противоборствующий милитаристский клан ставят перед собой задачу выработать свою систему идентифицирующих признаков, которые бы позволяли отличать «своих» от «чужих» [Олянич, 2007: 288]. В контексте репрезентации чужеродности «дихотомия “свой и чужие” логически предполагает уточнение чужих как представляющих опасность либо не вызывающих опасения» [Карасик, 2011: 239].

Так, противопоставление «свой-чужой» концептуализируется в дискурсе при помощи четырех логико-когнитивных способов:

- идентификации как разграничения Добра и Зла в соответствии с представлениями идентифицирующего («Ты был мне другом, но теперь ты мой враг»);
- атрибуции или сближения по свойствам («враг, который имеет ряд отрицательных характеристик» – «друг, который имеет ряд положительных характеристик»);
- стереотипизации («враг, потому что дружит с моим врагом», «враг, потому что так выглядят все враги»);
- установления ассоциативных связей («враг, потому что с Запада, а все на Западе – враги») [Баженова, Лапчева, 2003: 16–18].

В целом оппозиция «свой-чужой» и категория «чужеродность» представлены довольно ярко как в отечественной научной мысли, так и в зарубежных исследованиях. Необходимо отметить работы в области межкультурной коммуникации и этнолингвистики: [Гришаева, 2003а, 2003б; Донец, 2002; Кашкин, 2004; Куликова, 2004а, 2004б, 2009; Леонтович, 2005; Олянич, 2003, 2007; Пивоев, 1998; Тер-Минасова, 2007; Цивьян, 2002, 2009; Maletzke, 1996; Roth, 2003]; когнитивистики, психолингвистики, лингвокультурологии, социоллингвистики и теории коммуникации: [Балясникова, 2003; Вайнрих, 1987;

Вальденфельс, 1995, 1999; Выходцева, 2006; Григорьева, 2010; Захарова, 1998; Красных, 2003; Лотман, Успенский, 1982; Санцевич, 2002; Сахно, 1991; Сорокин, Марковина, 1988; Степанов, 2004; Якимович, 2003; Gudykunst, 1998; Sego, 2001]; прагмалингвистики: [Андрющенко, 2013; Иссерс, 1997, 2006; Иссерс, Рахимбергенова, 2007; Самарина, 2007; Паршина, 2007; Шейгал, 1998, 1999, 2000, 2003; Dijk, 1997а; Wodak, 1997, 2011; The discursive construction..., 2009]; лингвистики: [Михалева, 2009; Пеньковский, 1989]; критического дискурс-анализа: [Hall, 2006; Krzyzanowski, Wodak, 2009; Riggins, 1997] и других исследователей.

Помимо термина «чужеродность» в литературе встречаются также понятия «отчуждение» (Ю. М. Лотман, О. А. Косова, А. Б. Пеньковский, М. Н. Петроченко, В. М. Пивоев, Б. А. Успенский), «алиенация» (Т. Н. Астафурова, А. В. Олянич, А. Б. Пеньковский), «чуждость» (Б. Вальденфельс, Е. П. Захарова, О. Н. Паршина), «дружность» (Е. Н. Шапинская), в иностранных источниках наиболее часто можно увидеть термин *otherness* (P. Chilton, T. A. van Dijk,

C. Schäffner, L. P. Sego), реже употребляется термин foreignness (R. Wodak), otherization (A. Holliday, M. Hyde, J. Kullman).

Функционально-семантически данные термины можно разделить на две группы – понятия, реализующие действие («чужеродность», «отчуждение», «алиенация», otherization), и понятия, актуализирующие признак («чужеродность», «чуждость», otherness, foreignness). В нашем исследовании в качестве рабочего мы принимаем термин «чужеродность», основываясь на том, что чужеродность предполагает не только выявление, но и интерпретацию маркеров «чужого». Термин «чужеродность» охватывает и статическую, и динамическую составляющие отношения к «чужим», что значительно расширяет функциональный потенциал данного термина.

В основе политического дискурса лежит оппозиция «свой-чужой», поэтому «содержание политической коммуникации на функциональном уровне можно свести к трем составляющим: формулировка и разъяснение политической позиции (ориентация), поиск и сплочение сторонников (интеграция), борьба с противником (агональность) <...>. Эта функциональная триада проецируется на базовую семиотическую оппозицию политического дискурса “свой-чужие”: идентификация есть не что иное, как идентификация агентов политики (кто есть кто? где свои и где чужие?), интеграция – сплочение “своих”, агональность – борьба против “чужих” и за “своих”» [Шейгал, 2000: 112].

Являясь предметом изучения социологии, проблема «своего» и «чужого» довольно широко дискутировалась в работах З. Баумана, Ч. Кули, К. Маркса, Дж. Мида, А. Шюца и др. [см. Диспозиция..., 2007]. Термин «чужой» представляет собой одно из основных понятий в области социологии и является продуктом междисциплинарного подхода постмодернистов и культурологов [Riggins, 1997: 3. – *Здесь и далее перевод наш – Ю. Д.*]. «Чужие» – это концепт, реализующийся на разных уровнях существования общества, включенный в разнообразные бытовые, культовые, государственные и прочие ситуации и представляющий особую социальную позицию, необходимость которой оказывается предусмотренной в обществе» [Лютман, Успенский, 1982: 114].

Закономерным является ряд когнитивных последствий разделения людей на «своих» и «чужих»:

- 1) у нас есть тенденция ожидать от членов «своих» групп поведения и образа мысли, схожего с нашими;
- 2) у нас есть тенденция представлять «своих» в выгодном свете, когда мы сравниваем их с «чужими»;
- 3) у нас меньше беспокойства при общении с членами «своих» групп, чем при общении с членами «чужих» групп;
- 4) мы можем быть более точны в предсказывании поведения членов «своих» групп, чем в предсказывании поведения членов «чужих» групп [Gudykunst, 1998: 71];
- 5) считается, что все «чужие» похожи друг на друга и отличны от «своих»;
- 6) среди «своих» наблюдается больше разнообразия, нежели среди «чужих»;
- 7) оценки «чужих» тяготеют к крайностям: они, как правило, бывают либо очень позитивными, либо очень негативными [Psychology..., 1991], цит. по: [Леонтович, 2005: 236].

То есть человек, как правило, убежден в «себеподобности» тех, кого он объединяет понятием «мы» и чаще всего не испытывает затруднения в определении «чужого». Содержание феномена чужеродности, представленное оппозицией «свой-чужой», может быть определено как «принадлежащее (или не принадлежащее) лицу говорящему;

относящееся (или не относящееся) к личности говорящего, к группе, к кругу, сообществу, в которые входит говорящий» [Захарова, 1998: 88–89].

Действуя в пределах сферы «свое-чужое», категория чужеродности обладает рядом семантических характеристик:

- «чужое» сопрягается с отрицательной оценкой («чужое – плохое»);
- «чужой» мир – это мир этнически и/или хтонически (субстанционально), социально или культурно (и прежде всего – религиозно и идеологически) чуждый и враждебный;
- «чужой» мир воспринимается нерасчленимо, как речь на чужом языке;
- это мир форм множественного числа со значением однородного множества и мир нарицательных имен, в котором и собственные имена функционируют как нарицательные;
- «чужой» мир – это мир неведомый и незнаемый (земля неизвестная) – и более того: это мир, который и не следует знать;
- в отношении к «чужому» действует принцип воинствующего невежества – «не знаю и знать не хочу», с принятой наперед установкой на отказ от выделения отличительных признаков;

• понятие о «чужом» не всегда поддается объяснению с точки зрения логики, поэтому отрицательно оцениваемым и отвергаемым оказывается во многих случаях не сам «чужой» мир, а его противоречащее стандартному о нем представление [Пеньковский, 1989: 57–63].

Отрицательная оценка «чужого» обусловлена серьезными культурно-историческими, этническими и социальными факторами. Прежде всего, категория «чужой», являясь частью бинарной оппозиции «свой-чужой», традиционно противопоставлена всему положительному, что несет в себе понятие «свой». Чужое/чуждое – это прежде всего незнакомое, лежащее за пределами привычного образа жизни, то есть то, на что не может сослаться собственный жизненный опыт [Bollnow, 1982], цит. по: [Куликова, 2004б: 48]. Мифологизированный характер восприятия мира способствовал распространению представления о «чужих» как существах нечеловеческой природы, демонах, богах [Виноградова, 1995; Байбурин, 1990]. Невозможность контролировать внешние процессы вселяла в людей страх, чувство бессилия перед неизвестностью, боязнь неопределенности. Таким образом, находящиеся за пределами «своего» общества считались «чужими», что, однако, предполагало возможность вхождения «чужого» на «свою» территорию и, соответственно, формировало определенное отношение к этому «чужому», закрепленное в сознании и языке группы.

В политической коммуникации ярким примером актуализации негативного отношения к «чужому» является предвыборная борьба. Г. Г. Почепцов отмечает, что основным инструментом выборов сегодня становится «тиражирование негатива об оппоненте» [Почепцов, 2008: 20]. Возможную причину такого упора на негатив автор видит в том, что негативная информация лучше распространяется в устном общении, следовательно, она всегда выйдет за пределы официальных публичных каналов, чтобы продолжиться в неофициальных. Все это исторически связано с более важным значением для человека именно негативной информации, поскольку на нее требуется немедленное реагирование [Там же: 20–21].

В этом смысле «чужой» близок образу врага. По определению В. И. Жельвиса, «враг – это чужой, отношения с которым выясняются на поле брани в прямом и фигуральном смысле» [Жельвис, 2001], цит. по: [Карасик, 2011: 239]. В. И. Карасик отмечает, что системообразующим признаком врага является наличие угрозы с его стороны группе людей, с которыми себя идентифицирует индивид [Карасик, 2011: 239], при этом враги различаются по характеру угрозы (уничтожение индивида либо народа, гибель души, угроза священной идее, опасность для среды обитания и т. д.), по масштабу, или степени угрозы (глобальные и локальные), по уровню (конкретные и символические), по проявлению (явные, или внешние, и скрытые, или внутренние) [Там же: 239–240]. Чужой становится врагом, если чужой проявляет любую форму агрессии по отношению к группе субъекта [Там же: 239].

Однако, даже осознавая, что «чужое» несет в себе явную негативную информацию, к нему можно относиться по-разному. Т. В. Цивьян отмечает, что «иной может принимать разные значения в поле оценочного противопоставления “хороший/плохой”, и это дает допол-

нительные возможности для вариативного членения мира» [Цивьян, 2009: 9]. Прежде всего это выражается в смене сугубо негативного отношения к «чужим» на терпимое отношение, которое при определенных обстоятельствах может перейти в положительное. Концепт «чужой» трансформируется в толерирующий концепт «другой».

Вопрос о разграничении понятий «чужой» и «другой» поднимается в психологии и философии [Вальденфельс, 1995; Корчак, 2006], этнокультурологии и межкультурной коммуникации [Визгин, 2001; Гришаева, 2003а; Иссерс, Рахимбергенова, 2007 и др.]. В широком смысле оппозиция «свой-другой» характеризуется как когнитивная основа для формирования толерантной личности [Гришаева, 2003б]. С точки зрения межкультурной коммуникации одной из причин восприятия «чужого» как «другого» является стремление эмпатически войти в другую культуру, идентифицироваться с ней, освоить ее изнутри, не теряя «своего» в процессе взаимодействия культур [Пивоев, 1998: 12].

В исследованиях европейских лингвистов нет четкого терминологического разграничения «чужого» и «другого», однако делается акцент на функциональной двойственности понятия *others*, особенно характерной для политического дискурса. Так, по утверждению Л. П. Сего, «политическая чужеродность, в противовес распространенному мнению, не является абсолютно негативной. Политика, сама по себе, за исключением очевидных оскорблений, не так агрессивна» [Sego, 2001: 110].

Идея двойственного отношения к «чужим» или «приходящим извне» закреплена в языке и имеет очень глубокие корни, проявляясь в специальных значениях понятия «чужой». Анализ древних языков позволил выделить следующие значения: 1) чужестранец; 2) чужестранец, пользующийся правами гостеприимства; 3) тот, кто приходит извне; 4) тот, кто находится вне пределов общины [Бенвенист, 2010: 368]; 1) гость; 2) купец; 3) враг [Черных, 1999]; 1) чужой как друг и чужой как гость, пользующийся покровительством; 2) чужой как враг, угрожающий, как соперник, или враг в собственном смысле слова [Сараджева, 2005: 31].

Дихотомия «свой-чужой», являясь базовой для политической сферы, наиболее удачно подходит для осуществления политических манипуляций, «ибо априори заключает негативные/положительные смыслы и способна быть наполненной любым содержанием, отражающим интересы различных социальных групп» [Григорьева, 2010: 328]. Дискурс о других (чужих) может принимать форму либо прямой дискриминации при общении с «другими», либо непрямого письма или речи в негативной форме о «других» [Wodak, 2008: 295].

В политическом дискурсе концепт «чужеродность» может использоваться для выделения особенностей так называемой «воображаемой оппозиции», «воображаемого противника», взгляды которых расходятся с позицией данной политической группы. Чужеродность в политической коммуникации не несет в себе открытой вражды, а лишь является вероятной, но не реальной возможностью появления борющейся совокупности людей, противостоящей другой, точно такой же совокупности. Враг есть только публичный враг, поэтому все соотнесенное с такой совокупностью людей, в особенности с целым народом, становится в силу этого публичным. Осознание существования «врага» вовсе не предполагает его немедленного уничтожения. Напротив, «враг» заслуживает обходительного обращения, поскольку представляет потенциальную угрозу [Диспозиция..., 2007: 124].

Итак, при интерпретации отношений чужеродности в русле гуманитарных наук необходимо учитывать семантическую неоднозначность понятия «чужой» и определять его не только как неизвестное, непонятное, враждебное, таящее в себе угрозу, но и как потенциально нужное, привлекательное, требующее толерантного отношения. В связи с этим отношение к «чужим» в политическом дискурсе может варьироваться от негативного до нейтрального или положительного. Понятие «чужой» всегда опосредовано понятием «свой», поэтому не является объективной категорией и зависит от интерпретации и установки адресанта: с изменением перспективы исследования меняется установка на то, кто является «чужим» в данных

конкретных условиях (народ – власть, правящая партия – оппозиция, Восток – Запад, Россия – Великобритания, *Conservatives – Labourists, Cameron – Brown* и др.). Социальный и культурно-исторический контексты являются определяющими при интерпретации отношения к «чужим» в политическом дискурсе. Конструирование чужеродности обладает рядом характеристик, свойственных процессу идентификации групп. Поскольку идентификация групп осуществляется через репрезентацию в дискурсе, можно заключить, что отношения чужеродности также конституируются в дискурсе как форме социолингвистической реальности.

1.2. Политический дискурс как пространство экспликации чужеродности

1.2.1. Дискурс как основа современного лингвистического инструментария

В настоящее время в академической среде сложились научные школы и направления, предлагающие разные подходы к определению дискурса: [Алефиренко, 2005а, 2005б; Арутюнова, 2009; Бергельсон, 2005; Дейк, 1989; Карасик, 2002, 2009, 2010; Кашкин, 2010; Макаров, 2003; Манаенко, 2009; Олешков, 2010; Почепцов, 2000, 2001, 2008; П. Серио, 1993, 2008; Методы анализа..., 2009; Шейгал, 2003; Blommaert, 2000; Dijk, 1989, 1997б, 2011; Fairclough, 1992а, 1993, 1995, 2001, 2003; Fairclough, Wodak, 2004; Lemke, 1995 и др.]. Несмотря на такое активное изучение данной области научного знания, единого понимания термина «дискурс» нет.

Под дискурсом в широком смысле понимается систематизированный, внутренне согласованный корпус моделей; язык, используемый в данной социальной практике, рассматриваемой с определенной точки зрения [Riggins, 1997: 2]. Социальная практика представляет собой способ контролирования выбора одних структур и исключения других, а также удержания этих предпочтений в течение времени в определенных сферах общественной жизни [Fairclough, 2003: 23–24]. Т. А. ван Дейк отмечает, что дискурс включает три измерения: использование языка, когницию и взаимодействие, взятые в их социокультурных контекстах [Dijk, 1997б: 32]. При трактовке дискурса с позиции семиотики к данному понятию могут относиться такие семиотические модальности, как рисунки, фотографии, картины и т. п., а также невербальная коммуникация (жесты, мимика и т. д.) [Дейк, 2013: 130; Fairclough, 1993: 134; Lemke, 1995: 8]. Такое понимание дискурса восходит к идеям М. Фуко, согласно которым дискурс выступает как часть «дискурсивной практики» – совокупного множества разнообразных сфер человеческого познания. Это совокупность анонимных, исторических, детерминированных всегда временем и пространством правил, которые в данной эпохе и для данного социального, экономического, географического или языкового окружения определили условия воздействия высказывания. Настаивая на исторической обусловленности дискурса, Фуко хочет подчеркнуть, что дискурс – не только совокупность знаков, используемых для обозначения предметов, явлений. Это нечто большее, что подлежит собственно дискурсивному анализу, социально-историческая информация, фон, соотносящий события с дискурсом [Foucault, 1969], цит. по: [Чернявская, 2006: 70].

Отнесенность дискурса к форме социальной практики [Fairclough, Wodak, 2004] предполагает диалектические отношения между определенными дискурсивными событиями и ситуативными, институциональными и социальными условиями, в которых эти события происходят: с одной стороны, ситуативные, институциональные и социальные контексты формируют дискурс и оказывают на него воздействие; с другой стороны, дискурсы сами влияют на социальную и политическую реальность. Иными словами, дискурс конституирует социальную практику и в то же время конституируется ею [Fairclough, Wodak, 2004: 258; *The discursive construction...*, 1999: 157]. То есть социальное взаимодействие отражается и конструируется в дискурсе, а поэтому дискурс может использоваться для утверждения власти, для защиты, критики. Говорящий или пишущий выражает свои идеологические установки в текстах посредством определенных лингвистических форм. С точки зрения реализации чужеродности дискурс может выполнять ряд функций. Так, через дискурс происходит конструирование определенных соци-

альных условий, например идентификация «чужих» в политической коммуникации. Также посредством дискурса можно утвердить и обосновать уже сложившееся положение вещей, в частности объяснить или доказать, что субъект – «чужой». Кроме того, дискурс может служить средством изменения имеющегося положения дел, то есть показать, что было бы, если бы «они» вели себя так или иначе. И наконец, с помощью дискурса можно разрушить образ оппонента, делегитимировав его.

В отечественной лингвистике разрабатывается несколько подходов к исследованию дискурса.

1. Интерпретативный подход, получивший развитие в работах В. З. Демьянкова. При таком подходе дискурс понимается как смысловое развертывание некоторого опорного концепта, в результате чего создается общий контекст.

2. Идеологический подход, обоснованный Ю. С. Степановым. Дискурс при этом определяется как «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности. Иными словами, акцентируется специфическое использование языка в рамках определенной идеологии.

3. Генеративно-тематический подход, предложенный В. Е. Чернявской, рассматривает дискурс как конкретное коммуникативное событие, привязанное к определенным прагматическим, ментальным условиям порождения и восприятия сообщения и определенным моделям текстопорождения – типам текста, и как совокупность тематически соотнесенных текстов.

4. Интерпретативно-идеологический подход Г. Н. Манаенко, при котором дискурс является общепринятым типом речевого поведения субъекта в какой-либо сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями, а также утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов.

5. Драматургический подход, обоснованный И. Гофманом, в основе которого лежит идея сходства повседневного поведения с театральным представлением. Данный подход позволяет акцентировать в дискурсе меняющееся позиционирование ситуантов [Карасик, 2009: 270–273].

Н. Ф. Алефиренко рассматривает дискурс в рамках ситуативной и событийной обусловленности как элементарную невербализованную единицу текста, представляющую собой сложное целое, и выделяемое содержательное единство, которое на уровне языка реализуется в последовательности предложений, связанных между собой смысловыми отношениями [Алефиренко, 2005б: 298].

В работах В. И. Карасика дискурс рассматривается как текст, погруженный в ситуацию общения, или наоборот – как общение посредством текста [Карасик, 2009: 278]. При этом автор отмечает, что ситуативно-ориентированная модель дискурса допускает различные измерения, в частности социолингвистическое и прагмалингвистическое. В первом случае нас интересуют характеристики участников дискурса, во втором – характеристики его тональности [Там же: 278].

Для отечественных и зарубежных исследований характерно особое внимание к соотносительности друг с другом понятий текста и дискурса, что отражено непосредственно в определениях: «дискурс представляет собой уровень между текстом как таковым и социальным контекстом, осуществляющим связь между внутренними отношениями в тексте и его внешними отношениями» [Fairclough, 2003: 37]; «дискурс относится к социальному процессу, в который включены тексты, в то время как текст представляет собой конкретный материальный объект, созданный в дискурсе» [Hodge and Kress, 1995: 6]; «дискурс – это связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте» [Арутюнова, 2009: 1243]; «дискурс как процесс интенционально обусловленной реализации устного текста является способом передачи смысла, соответствующего макроинтенции говорящего. При этом нарратив-

ная основа итогового (“зафиксированного” наблюдателем) текста имеет интегративную природу и представляет собой своеобразный “макросмысл”, коррелирующий с макроинтенцией продуцента речи» [Олешков, 2010: 50]. Таким образом, дискурс выступает понятием более широким, чем текст и если текст – это результат языковой деятельности, то дискурс – это одновременно и процесс языковой деятельности, и ее результат [Кибрик, Плунгян, 2010: 307]. Анализируя текст как продукт, созданный при определенных обстоятельствах для конкретной ситуации и представляющий собой вербальную часть дискурса, необходимо учитывать такие экстралингвистические факторы, как участники общения с их ментальными установками и идеологическими взглядами, социальный контекст ситуации, в которой осуществляется коммуникация, и, наконец, присутствие невербальных символических систем, например визуальных образов. Подобный подход к пониманию текста и дискурса способствует более полной интерпретации смыслов, заложенных участниками коммуникации и опосредованных условиями общения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.